

НЕРАВНОМЕРНОСТЬ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ КНР: ЗАВИСИМОСТЬ ОТ СЕКТОРАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ЭКОНОМИКИ

© 2021 А.Ю. Захаржевская

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
географический факультет, Москва, Россия*

e-mail: aozhan89@yandex.ru

В статье исследована динамика изменения неравномерности уровня экономического развития регионов КНР. По мнению ряда исследователей, экономическая неравномерность между регионами этой страны стала уменьшаться примерно с середины 2000-х гг. Для уточнения этой картины был использован показатель вклада ВРП региона в суммарный ВРП страны. В результате проведенного исследования выяснено, что в КНР действительно был период уменьшения экономического разрыва между регионами, но в целом изменения относительного вклада регионов в ВРП страны носят более сложный характер. На основании статистических данных сделаны выводы о зависимости между динамикой вклада регионов в суммарный ВРП и долей вторичного и третичного секторов в их экономике. Оказалось, что повышение уровня экономического развития региона по сравнению с другими регионами тесно связано с долей вторичного сектора экономики в ВРП данного региона: в большинстве регионов Китая рост доли вторичного сектора происходит параллельно с ростом вклада ВРП региона в суммарный ВРП страны. Рост доли третичного сектора, напротив, в большинстве случаев сопровождается относительным понижением уровня экономического развития региона, то есть его вклад в суммарный ВРП уменьшается.

Ключевые слова: региональное развитие, КНР, территориальная неравномерность, вклад региона в суммарный ВРП, сектор экономики.

DOI: 10.5922/1994-5280-2021-1-7

Введение, постановка проблемы и обзор выполненных исследований по теме.

Большие экономические различия между регионами характерны для Китая издавна. На фоне беспрецедентного по темпам и продолжительности экономического роста региональные проблемы, связанные в том числе с неравномерным социально-экономическим развитием, не только сохранились, но и возросли. Возросшая неравномерность социально-экономического развития на региональном уровне стала одной из наиболее острых проблем экономического развития Китая, которая угрожает дальнейшему росту и стабильности экономики КНР. Поэтому актуальность этой проблематики в современный период значительно возросла, что нашло свое отражение в государственной региональной политике в Китае и формировании планов и программ социально-экономического развития регионов [11]. Исследование региональных проблем, которыми в Китае занимаются свыше 35 научных институтов, имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение.

Активную роль в устранении резкой дифференциации в региональном развитии страны должно играть государство [9]. Н.И. Атанов и Ф.В. Семенов считают, что китайское правительство вполне осознает это обстоятельство, поэтому обозначило региональное неравенство как одну из самых серьезных проблем еще в течение 9-й пятилетки (1996–2000 гг.), а затем – и 12-й пятилетки (2011–2015 гг.) [2]. Задачи по решению региональных проблем были поставлены и на XIX съезде КПК осенью 2017 г. Таким образом, актуальность проблемы регионального неравенства подтверждается постоянным и пристальным вниманием к ней со стороны руководства Китая.

Несмотря на актуальность данной проблематики, среди российских исследователей, по мнению И.В. Ставрова [21], проблемы регионального развития КНР встречают нечастный отклик.

Каковы же тенденции в неравномерности экономического развития регионов наблюдаются в Китае?

А.Н. Демьяненко и Д.А. Изотов [6] считают, что разрыв между развитыми и от-

стающими регионами страны увеличивался на протяжении 1958–2004 гг. несмотря на заявления правительства о необходимости сокращения региональной дифференциации. Однако этот диспаритет нарастал лишь до 2003 г., а затем стал уменьшаться. По мнению Е.Н. Самбуровой [19], это стало результатом, с одной стороны, региональной политики государства, направленной на приоритетное развитие Центрального и Западного Китая, с другой – роста стоимости рабочей силы в приморских провинциях, а в дальнейшем – снижения влияния внешних экономических факторов на китайскую экономику в период кризиса 2008–2009 гг. Чем больше становится роль внутреннего рынка в экономике страны, тем меньше преимуществ дает прибрежное положение регионов и их связи с иностранными потребителями.

Ф. Lemoine и соавторы [23] также считают, что пик регионального неравенства пришелся на середину 2000-х гг. При этом доля прибрежных провинций в национальном ВВП увеличилась с 44% в 1978 г. до 56% в 2006 г. С другой стороны, доля внутренних территорий в ВВП Китая, которая снижалась до 2005 г., с тех пор стала увеличиваться, и в 2011 г. вернулась к уровню 1998 г.

Таким образом, можно предположить, что увеличение экономического разрыва между китайскими регионами прекратилось и, более того, он стал уменьшаться. Однако Ф.Н. Liao и Y.D. Wei [24] считают, что динамика диспаритета между экономическими районами и регионами КНР не так проста: по их мнению, нет четких свидетельств, что этот диспаритет растет или уменьшается. Исследуя межпровинциальное неравенство в Китае, эти авторы пришли к предположению, что за последние шестьдесят лет региональное неравенство на провинциальном уровне имело трехпиковый характер, но в целом пространственное неравенство экономического развития между богатыми и бедными провинциями в последние годы (статья опубликована в 2016 г.) сокращается.

Отсутствие единого мнения среди ученых, исследующих неравномерность развития китайских регионов, говорит о том, что данная проблематика весьма сложна и многогранна. Для ее исследования, прежде всего, необходимо выбрать систему показателей, позволяющих адекватно

сравнивать уровни экономического развития регионов с разной величиной и структурой экономики.

Один из часто употребляемых в экономической географии показателей – ВРП на душу населения. К сожалению, при его вычислении могут быть допущены ошибки, например, из-за неверного учета населения. В частности, в Китае это может быть связано с большим количеством трудовых мигрантов, которые не всегда легально живут по месту работы. М. Хошино [22] считает, что искажения душевого ВРП, возникающие из-за этого фактора, могут достигать значительных величин – до 30% и более. При этом душевой ВРП богатых провинций, где много мигрантов, переоценивается, а в бедных внутренних провинциях, откуда приезжают эти мигранты – недооценивается. Расхождение данных по ВРП на душу населения, связанное с учетом населения, стало особо очевидным после середины 2000-х гг. [24]. С другой стороны, даже точно вычисленный показатель ВРП на душу населения может не отражать качественных сдвигов в межрегиональных отличиях [10].

Такой показатель, как темп роста ВРП, тоже имеет свои недостатки. Например, в малом регионе легче происходит быстрый рост, чем в большом (достаточно небольших вложений в экономику и создания сравнительно небольших предприятий), а в бедном регионе быстрому росту содействует низкий начальный уровень развития (эффект «начальной базы»).

Иногда для сравнения регионов используется рейтинг регионов по тому или иному показателю – например, по ВРП на душу населения. Такой метод может дать интересные результаты, наглядно демонстрирующие достижения того или иного региона. Однако он не точен, так как исследователь не видит изменения соотношения показателей этих регионов, пока не изменится место региона в рейтинге. Предположим, показатель в богатых регионах растёт быстрее, чем в бедных. Тогда разрыв между регионами будет расти, а рейтинг при этом не изменится.

Поэтому в данной работе был исследован другой показатель – вклад региона в суммарный ВРП страны. Была поставлена задача выяснить, уменьшилась ли за последние годы экономическая неравномерность между регионами по показателю «вклад региона

в общей ВРП страны», и какой из секторов экономики наиболее сильно влияет на сравнительную динамику развития региона.

Материалы и методика исследований.

В качестве показателя для оценки соотношения экономики регионов Китая в динамике нами был выбран вклад каждого региона в суммарный ВРП страны (Д). Этот показатель хорошо отражает соотношение экономики регионов между собой, особенно в динамике. Он также меньше зависит от общих колебаний национальной экономики (например, в результате падения в кризисные периоды). Правда, данный показатель зависит от роли экспорта в экономике региона.

Такой подход к оценке экономики региона она использует, например, С.В. Бочко [4] при исследовании экономического развития Свердловской области. А.В. Захарова [7] использует этот подход при оценке экономического развития Приволжского федерального округа. Рассматривая этот показатель за разные годы, она делает вывод о динамике развития округа. Л.З. Мусаева с соавторами [16] исследовали удельный вес федеральных округов РФ. Л.И. Бестаева [3] сравнивает федеральные округа РФ по удельному весу в ВРП РФ за несколько лет. Наконец, С.Н. Растворцева и Д.И. Усманов в монографии «Оценка влияния факторов глобализации на социально-экономическое неравенство регионов России» [18] пришли к выводу, что наиболее подходящим результирующим показателем динамики неравенства регионов является именно показатель удельного веса регионов в совокупном ВРП страны, который должен рассматриваться в динамике

Показатель Д используется и исследователями зарубежных стран. Например, в отчете SGS «Economics & Planning. Economic performance of Australia's cities and regions» за 2017–2018 гг. [25]. D. Mudalige и соавторы использовали данный показатель при исследовании предпринимательства в провинциях Шри-Ланки в период с 1990 по 2014 г. [24].

Используются подобный подход и для исследования китайских регионов. Например, Е.Н. Самбунова в своей статье [19] приводит сравнение доли ВРП экономических районов Китая за несколько лет, то есть в динамике. Lemoine и др. [23] рассматривают изменение доли прибрежных и внутренних провинций в ВВП страны

Таким образом, с помощью показателя Д можно получить интересные выводы о динамике соотношений между экономиками регионов.

Изучение региональных диспропорций в данном исследовании проводилось на уровне административных единиц КНР 1-го порядка: провинций, автономных районов и городов центрального подчинения. В качестве источника данных использованы статистические ежегодники КНР [28] по 31 региону: 22 провинции, 5 автономных районов и 4 города центрального подчинения. Тайвань, Сянган (Гонконг) и Аомынь (Макао) в данной работе не учитывались.

Статистические данные по более мелким административным единицам КНР нами не использовались по совокупности факторов. Во-первых, их сложно получить. Во-вторых, при исследовании экономических показателей важно, чтобы совпадали административные и фактические границы [10], а при укрупнении масштаба исследования они могут не совпадать, что вносит искажения в исследование. И наконец, их использование может затруднить анализ (например, О.В. Кузнецова [9], считает, что при рассмотрении более мелких территориальных единиц увеличиваются контрасты в показателях).

В статье также исследована связь между показателем Д каждого региона с другими показателями: относительной долей в ВРП каждого региона вторичного и третичного сектора экономики. Для исследования доли вторичного и третичного сектора использовались не абсолютные величины, а отклонения в процентах от средней величины этого показателя (показатели Вт и Тр соответственно).

Результаты исследования и их обсуждение. Корреляция между показателями Д и Вт, Д и Тр. По официальным данным китайской статистики был составлен список регионов по степени корреляции между Д и Вт, Д и Тр с 1998 по 2018 г. Сначала рассмотрим соотношения между Д и Вт (см. рис. 1).

В большинстве регионов (в 23 из 31) наблюдается заметная и высокая положительная зависимость между Д и Вт, то есть по мере того, как со временем растет показатель Вт, растет и показатель Д. При этом в 14 из этих 23 регионов данная зависимость имеет высокий и весьма высокий положительный

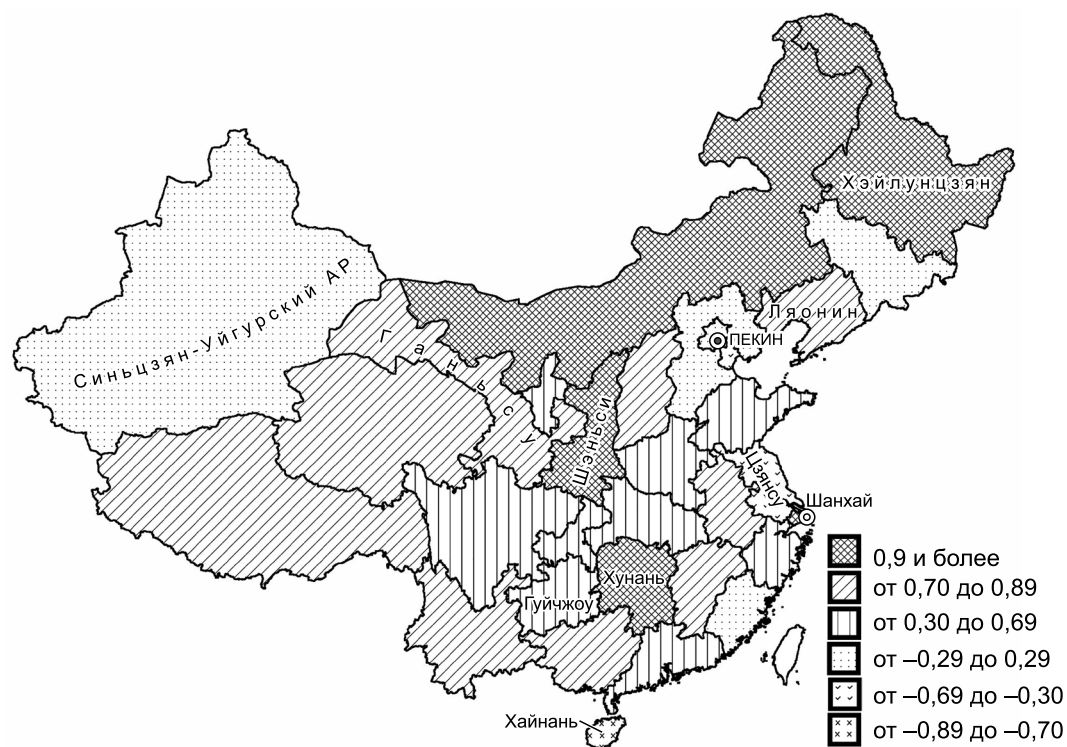

Рис. 1. Коэффициент корреляции между вкладом региона в сумму ВРП и относительной долей вторичного сектора в ВРП региона.

Составлено автором по: [28].

коэффициент корреляции: 0,70 и выше и даже 0,90 и выше.

В 5 регионах эта зависимость имеет незначительный коэффициент корреляции (в пределах плюс-минус 0,29).

Лишь в 2 регионах данная зависимость имеет умеренный и заметный отрицательный коэффициент корреляции (в пределах от -0,30 до -0,69), и в одном – высокий.

Таким образом, в большинстве регионов наблюдается следующая закономерность: чем больше становится Вт, тем больше становится и Д.

Теперь рассмотрим соотношения между Д и Тр (см. рис. 2).

В этом случае картина получается совершенно иная: нет ни одного региона, в котором величина коэффициента корреляции была бы положительной и высокой.

Только в 3 регионах наблюдается умеренный и заметный по величине положительный коэффициент корреляции. В 10 регионах коэффициент корреляции незначительный. В 18 регионах наблюдается значительный по величине отрицательный коэффициент кор-

реляции, в том числе в 11 – высокий и весьма высокий. То есть в большинстве регионов чем больше становится Тр, тем меньше Д.

Примеры показателей по регионам.

Рассмотрим наиболее характерные примеры, иллюстрирующие зависимость показателя Д от Вт и Тр.

В одном из наиболее развитых по душевому ВРП регионов – Шанхае – произошло снижение как Д, так и Вт, причем с весьма высоким коэффициентом корреляции 0,96. Тр, напротив, растёт, но между ним и показателем Д наблюдается обратная зависимость, причем тоже с весьма высоким коэффициентом корреляции, но отрицательным: -0,90 (см. рис. 3). При этом показатель Д для Шанхая понизился (если в 1998 г. он был 4,6%, то в 2018 г. – 3,57%), как и доля вторичного сектора шанхайской экономики, которая в 1998 г. превосходила среднюю по стране на 16,06%, а в 2018 г. была уже ниже среднего уровня на 25,33%. Это демонстрирует важность вторичного сектора экономики.

Что касается наименее развитых регионов, то в 1998 г. к таким регионам относи-

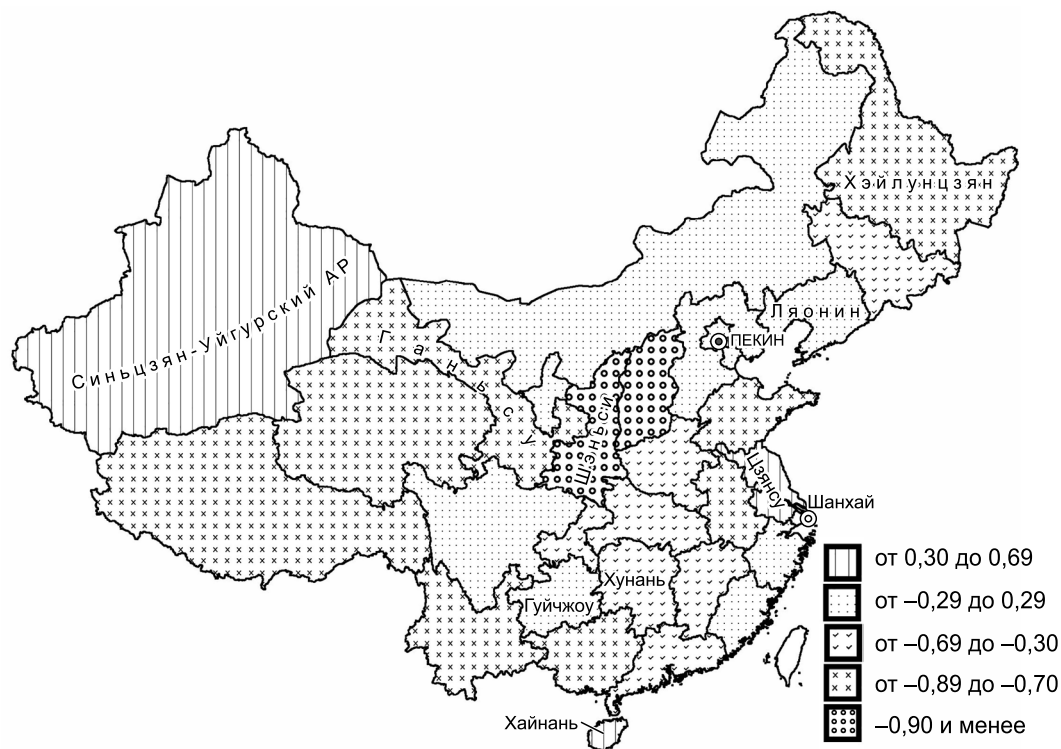

Рис. 2. Коэффициент корреляции между вкладом региона в сумму ВРП и относительной долей третичного сектора в ВРП региона.

Составлено автором по: [28].

лась провинция Гуйчжоу (в качестве иллюстрации можно привести тот факт, что ВРП на душу населения там был на 67,4% ниже, чем в среднем по стране), а в 2018 г. – провинция Ганьсу (ВРП на душу – минус 52% от среднего). Характерно, что в Ганьсу, переместившейся на последнее место по ВРП на душу населения, показатели Д и Вт стали за рассматриваемый период ниже (см. рис. 3), причем с высоким коэффициентом корреляции – 0,82. А вот в Гуйчжоу (см. рис. 3) показатели Д и Вт выросли, а провинция покинула последнее место в стране по ВРП на душу населения. Такое соотношение показывает, что выходу региона из бедности содействует развитие вторичного сектора.

В провинции Хунань (см. рис. 3) в 1998 г. Д был равен 3,66%, а Вт – на 6,64% ниже, чем в среднем по стране. В 2018 г. Д вырос до 3,98%, а Вт – лишь на 0,52% ниже, чем в среднем по стране. Д и Вт в провинции Хунань очень хорошо коррелируют (коэффициент корреляции 0,95). Связь Д и Вт еще более очевидна, если рассматривать показатели этой

провинции с 2004 г., когда Д был равен 3,36%, а Вт ниже среднего по стране на 16,42%.

В северо-восточной провинции Хэйлуцзянь (см. рис. 3) показатели как Д, так и Вт с 1998 по 2018 г. понижаются с весьма высоким коэффициентом корреляции 0,95, так что в итоге показатель Д уменьшился с 3,35 до 1,79%. За этот же период Тр повышается (отрицательная корреляция между Д и Тр с высоким коэффициентом -0,89). То есть заметный рост Тр (с -15,8% до 11,4%) на фоне кризиса вторичного сектора не помог этой провинции справиться с падением экономических показателей.

Похожий процесс протекал в провинции Ляонин (см. рис. 3) с коэффициентом корреляции 0,86 между Д и Вт. Однако Ляонин отличается от Хэйлуцзяня тем, что в 2016 г. падение Д и Вт прекратилось [25]. Возможно, в этой провинции сказались меры правительства по обновлению промышленной базы Северо-Востока, в то время как в Хэйлуцзяне эти меры пока не привели к улучшению.

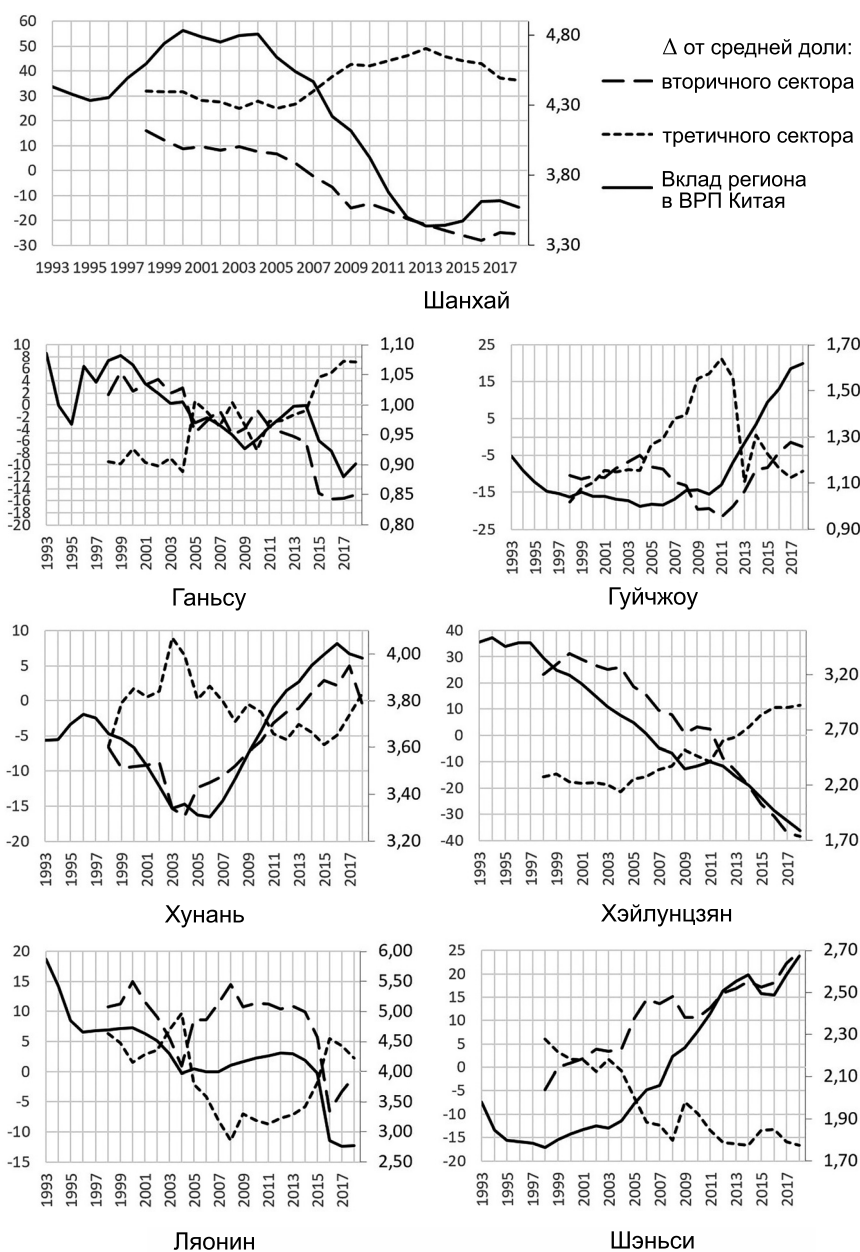

Рис. 3. Диаграммы показателей Д, Вт и Тр в некоторых регионах Китая. Рассчитано автором по: [28].

В центральной провинции Шэньси (см. рис. 3) положительный коэффициент корреляции между показателями Д и Вт весьма высокий – 0,91, при этом в 2017–2018 гг. Шэньси стала лидером по доле вторичного сектора экономики в ВРП.

Существует только три региона с заметной положительной корреляцией между Д и Тр. В их число входит Синьцзян-Уйгур-

ский АР, где много полезных ископаемых и развиты добывающие отрасли экономики, то есть влияние вторичного сектора, очевидно, ниже.

Еще один из этих трех регионов – Хайнань – делает упор на развитие туристической отрасли, так что высокий положительный коэффициент корреляции показателей Д и Тр в этом случае понятен.

Фактически, выбивается из общего ряда только один экономически развитый регион – Цзянсу. Однако в этом случае надо отметить, что, во-первых, в этой провинции очень развитая промышленность (например, в нее была перенесена часть промышленной деятельности из Шанхая, экономика которого стала развиваться в сторону сектора услуг [23]). Во-вторых, с 2014 г. рост Д в Цзянсу сопровождается ростом Вт и понижением Тр, то есть зависимость между исследуемыми показателями в Цзянсу стала такой же, как и в большинстве регионов. Тенденции дальнейшего развития этой провинции представляют в будущем большой интерес.

Обсуждение результатов исследования.

По сравнению с показателем ВРП на душу населения, который распространен в экономико-географических исследованиях, показатель Д ведёт себя несколько иначе. Если рассматривать ВРП на душу населения в качестве показателя неравномерности экономического развития, то уже с 2003 г. разница между регионами уменьшалась до 2014 г. и с тех пор до 2018 г. значительно не менялась. Что же касается рассмотренного в данной статье показателя Д, то до 2006 г. разница между китайскими регионами росла (см. рис. 4), затем она стала снижаться до 2013 г., после чего снова стала расти.

Таким образом, при исследовании неравномерности развития регионов Китая

с использованием в качестве показателя доли региона в суммарном ВРП страны, оказывается, что процесс уменьшения экономических диспропорций между регионами Китая идет неравномерно, а после 2013 г. он повернул вспять. Причины этой неравномерности очень сложны. С одной стороны, в восточных регионах растет доля третичного сектора, с другой – становится все больше высокотехнологичных предприятий [1], автоматизированных и роботизированных. Известно, что доля развивающихся стран в закупках промышленных роботов стремительно увеличивается, и происходит это в основном за счет Китая, чья доля возросла с 14 до 27% [15]. Но рост автоматизации и роботизации повышает производительность труда во вторичном секторе, что улучшает позиции регионов с развитым вторичным сектором экономики. Это означает, что восточный экономический район Китая, в состав которого входят наиболее развитые провинции, может снова увеличить отрыв от остальных районов, так как автоматизированные станки и промышленные роботы внедряются в первую очередь именно в регионах с наиболее дорогой рабочей силой. Кроме того, переход к высокотехнологичной продукции с высокой добавленной стоимостью с использованием высококвалифицированной рабочей силы возможен прежде всего именно в приморских провинциях [19].

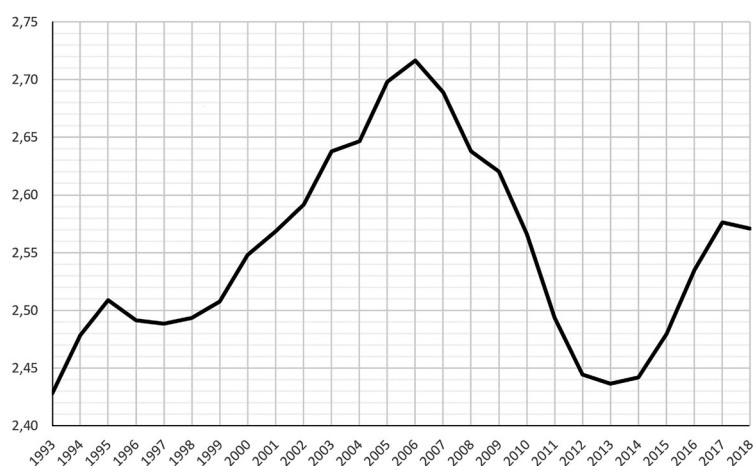

Рис. 4. Среднеквадратичное отклонение показателей Д с 1993 по 2018 г. Рассчитано по: [28].

Но это предположение, относящееся к будущему, пока же за весь исследованный период в целом наблюдалось выравнивание экономического уровня (по показателю Д), при этом перераспределение показателя Д происходило, в основном, за счет богатейших регионов (Шанхай, Гуандун), в которых росла доля третичного сектора экономики.

Результаты исследования говорят о том, что в большинстве регионов Китая наблюдается положительная корреляция между ростом показателей Д и Вт. Наоборот, между ростом Д и Тр в большинстве случаев наблюдается отрицательная корреляция. Таким образом, можно сделать вывод о большой роли вторичного сектора в уменьшении экономических диспропорций.

Е. Lemoine с соавторами [23] также считают, что ускоренный экономический рост в прибрежных провинциях с 1978 по 2005 г. был обусловлен именно работой обрабатывающей промышленности. Но если доля побережья в национальном ВВП выросла с 44% в 1978 г. до 56% в 2006 г., то в валовой стоимости промышленной продукции она достигла более чем двух третей.

На первый взгляд, вывод о ведущей роли вторичного сектора в улучшении экономического положения региона в КНР противоречит представлениям о том, что современная экономика должна развиваться в основном за счёт третичного сектора. Например, по мнению С.В. Бочко [4], рост доли отраслей, производящих услуги, является позитивным процессом, а рост доли отраслей, производящих товары – негативным. При этом Бочко не отрицает важности промышленности, но считает, что оптимальной является лишь такая структура промышленности, в которой достойное место занимают обрабатывающие отрасли, а среди них главная роль принадлежит наукоемким производствам. Разумеется, это верно, но развитие высокорентабельного и наукоемкого производства одновременно во всех регионах такой огромной страны, как КНР, невозможно.

В качестве примера С.В. Бочко [4] приводит Свердловскую область, где удельный вес отраслей, производящих товары, остается довольно высоким, в то время как по России в целом и в высокоразвитых индустриальных странах растет доля отраслей, производящих услуги. В результате доля Свердловской об-

ласти в общем объеме ВРП страны постепенно уменьшалась. В то же время в Китае рост доли вторичного сектора, напротив, помогает большинству регионов увеличить свою долю в общем объеме ВРП страны.

Чем можно объяснить важную роль вторичного сектора в выравнивании экономики регионов? В первую очередь следует вспомнить о более высокой производительности труда во вторичном секторе: в обрабатывающей промышленности она растет гораздо быстрее, чем в других секторах экономики [5]. Конечно, в третичном секторе имеются ниши с очень высокой производительностью труда, особенно в высокотехнологичных и финансовых организациях. Но в секторе услуг имеется и много низкорентабельных компаний, а также низкоквалифицированной рабочей силы – как в развивающихся, так и в развитых странах, причем доля неквалифицированного труда в сфере услуг растет [13]. По сути, часть таких рабочих мест маскирует скрытую безработицу. За послевоенный период среднегодовые темпы прироста душевой производительности в сфере услуг (в целом по развитым и развивающимся странам) отставали, как минимум, на треть от темпов прироста по экономике в целом [12]. В результате изменения между долями вторичного и третичного сектора привели к негативным экономическим последствиям. Если в 1950–1960-е гг. вклад перемещения рабочих рук в отрасли с более высокой производительностью давал до 10–15% прироста ВВП, то в настоящее время, когда в сфере услуг занято более трех четвертей работников, вклад перемещения рабочих рук стал не положительным, а отрицательным: в среднем минус 3–7% прироста ВВП [14]. Продукция вторичного сектора также часто имеет больший мультипликативный эффект, в то время как предприятия третичного сектора могут не давать заметного мультипликативного эффекта [20].

Не следует забывать и о комплементарности связей между вторичным и третичным секторами экономики: повышение удельного веса сервисных видов экономической деятельности вызвано главным образом развитием промышленности (соответственно, увеличение доли вторичного сектора может,

в конечном счете, не уменьшить, у увеличить абсолютный объем третичного сектора). Простейший пример – органическая связь между выпуском продукции длительного пользования и услугами по ее эксплуатации [17]. В итоге получается закономерность, верная для разных стран: высокий уровень социально-экономического развития демонстрируют регионы, создающие реальную продукцию и услуги [8].

Наконец, важно учитывать, что в данной работе речь идет не об абсолютных, а об относительных показателях V_t и T_t : при быстром росте экономики региона как вторичный, так и третичный сектор могут расти в абсолютных цифрах. Но увеличение вклада регионов КНР в экономику страны в большинстве случаев основано именно на росте доли вторичного сектора экономики.

Выводы. Процесс выравнивания экономического уровня регионов КНР очень сложен и происходит неравномерно. Его темп и направление зависят от многих факторов, в том числе, от географического положения того или иного региона, его предыдущей экономической истории, от изменения роли внешнего и внутреннего рынка в экономике Китая, а также от процесса роботизации и автоматизации промышленных предприятий.

Согласно результатам данного исследования, в целом за исследуемый период, то есть с 1993 по 2018 г., наблюдалось сближение уровня экономического развития регионов Китая. Однако, если рассматривать

только период после 2013 г., то процесс уменьшения экономических диспропорций между регионами прекратился, более того: разрыв между ними снова стал увеличиваться. Поэтому представляется, что в ближайшее время в Китае не произойдет выравнивания региональной неравномерности экономического развития. Возможно, она даже несколько вырастет.

Полученные результаты также позволяют сделать вывод, что если экономическое положение провинции или города центрального подчинения за исследуемый период становится лучше по сравнению с другими регионами, то этот процесс в большинстве случаев сопровождается увеличением доли вторичного сектора экономики в ВРП данного региона. Таким образом, вторичный сектор продолжает играть большую роль в экономике страны в целом и заметную положительную роль в экономике регионов. Можно предположить, что в будущем рост технической вооруженности предприятий, к которому стремится правительство КНР, еще более поднимет роль промышленности и улучшит положение тех провинций, в которых этот рост будет идти опережающими темпами. Это позволяет сделать практический вывод, что, если мы хотим применить китайский опыт к российской экономике, в том числе к решению проблемы регионального диспаритета, то необходим осторожный и взвешенный подход к выбору путей развития регионов. Несмотря на очевидную необходимость поддерживать сектор услуг, нельзя упускать из виду решающую роль вторичного сектора экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арапова Е.Я., Дагган Н.* На переломе: современная трансформация модели экономического роста Китая // Валдайские записки. 2020. № 113. С. 1–18.
2. *Атанов Н.И., Семёнов Ф.В.* Анализ действующих практик стратегирования развития регионов: опыт Китая // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2013. № 8. С. 129–141.
3. *Бестаева Л.И.* Тенденции диспропорций социально-экономического развития регионов // Фундаментальные исследования. 2015. № 10-3. С. 564–569.
4. *Бочко С.В.* Валовой региональный продукт: оценка развития территории // Изв. Урал. гос. экон. ун-та. 2004. № 8. С. 31–44.
5. *Горкин А.П.* Пространственная организация обрабатывающей промышленности мира в начале XXI века: методика и методология изучения // Вестн. РУДН. Сер.: Экономика. 2008. № 1. С. 23–31.
6. *Демьяненко А.Н., Изотов Д.А.* Территориальная организация экономики КНР и проблема экономического районирования // Пространственная экономика. 2008. № 1. С. 43–61.
7. *Захарова А.В.* Использование показателя валового регионального продукта в оценке экономического развития Приволжского федерального округа // Актуальные вопросы экономических наук. 2009. № 5-2. С. 147–150.

8. Колчинская Е.Э., Калишенко А.Л., Лемента И.М. Исследование динамики развития реального сектора регионов России // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 41 (368). С. 47–60.
9. Кузнецова Н.В. Рост территориальной дифференциации экономического развития Китая // Вестн. ИрГТУ. 2013. № 5 (76). С. 178–184.
10. Кузнецова О.В. Современный этап региональной политики в России в контексте зарубежного опыта // Вопросы географии. Сб. 141: Проблемы регионального развития России. М.: ИД «Кодекс», 2016. С. 134–150.
11. Макеева С.Б. Проблемы неравномерного развития Китая в работах китайских ученых-регионоведов // Вестн. ВолГУ. Сер. 4: История. Регионоведение. Междунар. отношения. 2019. Т. 24. № 1. С. 225–236.
12. Мельянцева В.А. Оценка долгосрочных траекторий роста мировой экономики // Восточная аналитика / под ред. В.В. Наумкина. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2013. С. 14–26.
13. Мельянцева В.А. Противоречивые тренды в современной мировой экономике и развивающиеся страны. Ч. 1 // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13: Востоковедение. 2016. № 2. С. 45–74.
14. Мельянцева В.А. Страны Запада, Востока и Россия: долгосрочные тенденции, факторы и противоречия экономического развития. Ч. 1 // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13: Востоковедение. 2013. № 2. С. 3–26.
15. Мельянцева В.А. Умные технологии, парадокс солоу и противоречия социально-экономического развития в странах запада и востока в начале XXI в. // Восток. 2017. № 3. С. 162–180.
16. Мусаева Л.З., Шамилев С.Р., Шамилев Р.В. ВРП – важнейший показатель социально-экономического развития субъектов РФ // Совр. проблемы науки и образования. 2014. № 5. С. 1–9.
17. Перепелкин В.А. Перспективы терциаризации российской экономики // Основы экономики, управления и права. 2014. № 2 (14). С. 35–38.
18. Растворцева С.Н., Усманов Д.И. Оценка влияния факторов глобализации на социально-экономическое неравенство регионов России. Белгород: КОНСТАНТА, 2015. 260 с.
19. Самбурова Е.Н. Региональные диспропорции современного развития экономики Китая // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5: География. 2014. № 4. С. 49–55.
20. Сильвестров С.Н., Бауэр В.П., Еремин В.В. Оценка зависимости мультипликатора инвестиций от изменения структуры экономики региона // Экономика региона. 2018. Т. 14. Вып. 4. С. 1463–1476.
21. Ставров И.В. «Возрождение Северо-Восточного Китая» в программных документах Пекина в начале XXI в. // Россия и АТР. 2017. № 4. С. 69–87.
22. Hoshino M. Measurement of GDP per capita and regional disparities in China, 1979–2009 // RIEB Discussion Paper Series. 2011. № 17. 42 p.
23. Lemoine F. et al. The Geographic pattern of China's growth and convergence within industry // CEPPI Working Paper. 2014. № 4. 46 p.
24. Liao F.H., Wei Y.D. Sixty Years of regional inequality in China: trends, scales and mechanisms // Working Paper Series. 2016. № 202. 23 p.
25. Мацуно Сюдзи, Цай Жуйлинь, Имада Осаму, Ян Цюй Ли, Такая Кадзуко. Рёнэйсё кэйдзай но «каифуку» то кигё син тэнкай [Развитие новых бизнесов и экономическое восстановление в провинции Ляонин, Китай] // Сякаи сисутэму кэнкю. 2019. № 38. С. 227–250.
26. Mudalige D., Ismail N.A., Malek M.A. Exploratory study on relationship between entrepreneur characteristics and dynamic capabilities in export SMES // Paradigm. 2017. № 20(2). P. 113–130.
27. SGS Economics & Planning. Economic performance of Australia's cities and regions 2017–2018. Canberra, Hobart, Melbourne, Sydney: Independent Insight, 2018. 56 p.
28. Чжунго тунци няньцзянь 1994; 1995; ..., 2019 [Китайский статистический ежегодник 1994; 1995...2019]. Чжунго, Бэйцзин: Чжунго тунци чубаньшэ, 1994; 1995; ..., 2019. [Электр. ресурс]. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsjs/> (дата обращения 07.08.2020).

Статья поступила в редакцию 14 июля 2020 г.

Статья принята к публикации 29 марта 2021 г.

Об авторе

Захаржевская Анна Юрьевна – аспирантка кафедры географии мирового хозяйства географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва.

Для цитирования:

Захаржевская А.Ю. Неравномерность развития регионов КНР: зависимость от секторальной структуры экономики // Региональные исследования. 2021. № 1. С. 84–95.

DOI: 10.5922/1994-5280-2021-1-7

Disparities of China's regions development: dependence on the sectoral economic structure

A.Yu. Zakharzhevskaya

*Lomonosov Moscow State University, Faculty of Geography, Moscow, Russia
e-mail: aozhan89@yandex.ru*

The article explores the dynamics of changes in disparities of China's regions' economic level. According to a number of researchers, economic disparities between China's regions started to decrease from about the mid-2000s. To clarify this picture the article uses indicator of contribution of the region's GRP to the country's total GRP. As a result of the research carried out by the author, it was found that in the PRC there really was a period when the economic gap between regions was narrowing down, but in general, changes in the relative contribution of regions to the country's GRP are more complex than just a decrease or increase in economic disparities. Also, based on statistical data, the article draws conclusions about the relationship between the dynamics of the region's contribution to the total GRP and the shares of the secondary and tertiary sectors in the region's economy. It turned out that the increase in the economic level of the region in comparison with other regions is closely related to the share of the secondary sector in the GRP of this region: in most regions of China, the increase in the share of the secondary sector occurs in parallel with the growth of the contribution of the region's GRP to the total GRP of the country. The growth in the share of the tertiary sector, on the contrary, in most cases is accompanied by a relative decrease in the economic level of the region, that is, its contribution to the total GRP decreases.

Keywords: regional development of the PRC, economic disparity, regional contribution to total GRP, economic sector.

REFERENCES

1. Arapova E.Ja., Daggan N. At the turning point: modern transformation of China's economic growth model. *Valdajskie zapiski*, 2020, no. 113, pp. 1–18. (In Russ.).
2. Atanov N.I., Semjonov F.V. Analysis of existing practices for regional development strategizing: China's experience. *Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no. 8, pp. 129–141. (In Russ.).
3. Bestaeva L.I. Tendencies of disproportions of social and economic development of regions. *Fundamental'nye issledovaniya*, 2015, no. 10 (3), pp. 564–569. (In Russ.).
4. Bochko S.V. Gross Regional Product: assessment of territorial development. *Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo jekonomicheskogo universiteta*, 2004, no. 8, pp. 31–44. (In Russ.).
5. Gorkin A.P. The space organisation of world manufacturing industry in the beginning of XXI century: methodology and methodics of analysis. *Vestnik RUDN, serija Jekonomika*, 2008, no. 1, pp. 23–31. (In Russ.).
6. Dem'janenko A.N., Izotov D.A. Territorial organization of the economy of the PRC and the problem of economic zoning. *Prostranstvennaja jekonomika*, 2008, no. 1, pp. 43–61. (In Russ.).
7. Zakharova A.V. The use of the gross regional product indicator in assessing the economic development of the Volga Federal District. *Aktual'nye voprosy jekonomicheskikh nauk*, 2009, no. 5 (2), pp. 147–150. (In Russ.).
8. Kolchinskaja E.Je., Kalishenko A.L., Lementa I.M. Study of the dynamics of the development of the russian regions' real sector. *Regional'naja jekonomika: teorija i praktika*, 2014, no. 41 (368), pp. 47–60. (In Russ.).
9. Kuznecova N.V. The growth of territorial differentiation of China's economic development. *Vestnik IrGTU*, 2013, no. 5 (76), pp. 178–184. (In Russ.).
10. Kuznetsova O.V. Current stage of regional policy in Russia in the context of foreign experience. In: *Voprosy geografii. Sbornik 141: Problemy regional'nogo razvitiya Rossii [Problems of Geography. Vol. 141. Problems of Regional Development of Russia]*. Moscow: House Kodeks Publ., 2016, pp. 134–150. (In Russ.).
11. Makeeva S.B. Problems of uneven development of China in the works of Chinese area studies scholars. *Vestnik VolGU. Serija 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnoshenija*, 2019, vol. 24, no. 1, pp. 225–236. (In Russ.).
12. Meliantsev V.A. Assessment of long-term growth trajectories of the world economy. In: *Vostochnaya analitika [Eastern analytics]*. Naumkin V.V., eds. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS Publ., 2013, pp. 14–26. (In Russ.).
13. Meliantsev V.A. Contradictory trends in the modern world economy and developing countries. Part 1. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 13. Vostokovedenie*, 2016, no. 2, pp. 45–74. (In Russ.).
14. Meliantsev V.A. Countries of the West, East and Russia: long-term trends, factors and contradictions of economic development. Part 1. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 13. Vostokovedenie*, 2013, no. 2, pp. 3–26. (In Russ.).
15. Meliantsev V.A. Smart technologies, Solow's paradox and contradictions of the world socio-economic developments in the early twenty first century. *Vostok*, 2017, no. 3, pp. 162–180. (In Russ.).

16. Musaeva L.Z., Shamilev S.R., Shamilev R.V. GRP – the most important indicator of the socio-economic development of the subjects of the Russian Federation. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, 2014, no. 5, pp. 1–9. (In Russ.).
17. Perepelkin V.A. Prospects of tertiarization of russian economy. *Osnovy jekonomiki, upravlenija i prava*, 2014, no. 2 (14), pp. 35–38. (In Russ.).
18. Rastvorceva S.N., Usmanov D.I. Ocenka vliyaniya faktorov globalizacii na social'no-ekonomicheskoe neravenstvo regionov Rossii [Assessment of the globalization factors' impact on the socio-economic inequality of the Russian regions]. Belgorod: KONSTANTA Publ., 2015. 260 p. (In Russ.).
19. Samburova E.N. Regional disparities in the present-day development of China's economy. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Serija 5. Geografija*, 2014, no 4, p. 49–55. (In Russ.).
20. Silvestrov S.N., Baujer V.P., Eremin V.V. Assessment of the dependence of the investment multiplier on changes in the structure of the economy of a region. *Jekonomika regiona*, 2018, vol. 14, № 4, p. 1463–1476. (In Russ.).
21. Stavrov I.V. «Northeast China Revitalization» in Beijing's policy documents at the beginning of the 21st century. *Rossija i ATR*, 2017, no 4, pp. 69–87. (In Russ.).
22. Hoshino M. Measurement of GDP per capita and regional disparities in China, 1979–2009. RIEB Discussion Paper Series, 2011, no. 17, 42 p.
23. Lemoine F. et al. The geographic pattern of China's growth and convergence within industry. CEPII Working Paper, 2014, no. 4, 46 p.
24. Liao F.H., Wei Y.D. Sixty Years of Regional Inequality in China: Trends, Scales and Mechanisms. Working Paper Series, 2016, no. 202, 23 p.
25. Matsuno S. et al. Liaoning economic «Recovery» and new corporate development. *Shakai shisutemu kenkyu*, 2019, no. 38, pp. 227–250. [In Japan.].
26. Mudalige D., Ismail N.A., Malek M.A. Exploratory study on relationship between entrepreneur characteristics and dynamic capabilities in export SMES. *Paradigm*, 2017, no. 20 (2), pp. 113–130.
27. SGS Economics & Planning. Economic performance of australia's cities and regions 2017-2018. Canberra, Hobart, Melbourne, Sydney: Independent Insight Publ., 2018. 56 p.
28. Zhongguo tongji nianjian 1994; 1995, ... 2019 [China Statistical Yearbook 1994; 1995, ..., 2019]. Zhongguo, Beijing: Zhongguo tongji chubanshe Publ., 1994; 1995 ... 2019. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/> [Accessed 10.08.2020]. [In Chine.].

Received 14.08.2020

Accepted 29.03.2021